

*От духов, от умертвий,
От долголапых чудищ,
Тех, что грохочут ночью,
Спаси нас, добрый Боже!*

Охранительная молитва,
известная как «*The Cornish Litany*»,
датируемая XIV–XV веками¹

*Говорят, что прогресс разгоняет тьму. Но
всегда, всегда будет существовать темнота.
И всегда в темноте будет Зло, всегда будут
в темноте клыки и когти, смерть и кровь.*

*Всегда будут те, кто грохочет ночью. Гро-
хочет и ломится. А наше ведьмачье дело — вло-
мить им самим как следует.*

Весемир из Каэр Морхен

*Кто сражается с чудовищами, тому следу-
ет осторегаться, чтобы самому при этом не
стать чудовищем. И если ты долго смотришь
в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя.*

Фридрих Ницше.
«По ту сторону добра и зла»

*Смотреть в бездну полный идиотизм. В мире
множество вещей, гораздо более достойных
того, чтобы в них смотреть.*

Лютик.
«Полвека поэзии»

¹ В английском оригинале присутствует слово *ghoul*, происходящее от арабского «гуль» и попавшее в английский язык не ранее конца XVIII века; судя по всему, широко сейчас известный текст составлен в конце XIX века в ряду нескольких аналогичных для привлечения туристов. — Примеч. пер.

Глава первая

Он жил лишь для того, чтобы убивать.
Лежал на нагретом солнцем песке.

Чувствовал дрожь земли своими прижатыми к ней усиками и щетинками. Хотя источник дрожи все еще был далеко, Идр чувствовал ее четко и ясно, способен был на основе этих вибраций оценить не только направление и скорость движения жертвы, но и ее вес. Для большинства хищников, использующих подобный метод охоты, вес жертвы имел принципиальное значение — подкрадывание к жертве, атака и погоня означали потерю энергии, которую необходимо было восполнить энергетической ценностью пищи. Большинство подобных Идру хищников отказывались от нападения, если жертва была слишком мала. Но не Идр. Идр существовал не для того, чтобы есть и поддерживать существование своего вида. Не для этого он был создан.

Он жил для того, чтобы убивать.

Осторожно переставляя членистые ноги, он вылез из ямы от поваленного с корнем дерева, перелез через трухлявый ствол, в три прыжка одолел бурелом, словно дух перелетел поляну и исчез в поросшей папоротником лесной подстилке, растаял в ее гуще. Двигался он быстро и бесшумно, то бегом, а то скачками, словно гигантский кузнечик.

Спрятался в сухих зарослях, сегментированным панцирем прильнув к земле. Дрожь почвы становилась все более четкой. Импульсы, приходящие от вибрисс и щетинок, уже составляли картинку. Складывались в план. Идр уже знал, каким путем подобраться к жертве, в каком месте пересечь ей дорогу, как заставить бежать, как длинным прыжком обрушиться на нее сзади, на какой высоте ударить и резать острыми, как бритва, жвалами. Вибрации и импульсы уже предвещали радость, которую он испытает, когда жертва забывается под его тяжестью. Эйфорию, которую подарит ему вкус горячей крови. Наслаждение, которое он чувствует, когда крик боли прорежет воздух. Он слегка подрагивал, сводя и разводя свои клешни и педипальпы.

Вибрации почвы были очень четкими, вдобавок они начали различаться между собой. Идр уже знал, что жертв было несколько, скорее всего три, а возможно, и четыре. Две из них заставляли почву вибрировать обычным образом, сейсмика же третьей указывала на малую массу и вес. Четвертая жертва — если она в действительности существовала — вызывала вибрации нерегулярные, слабые и нечеткие. Идр застыл, напрягся и выставил над травой антенны, начал изучать движения воздуха.

Наконец, дрожь земли принесла Идру тот сигнал, которого он ждал. Жертвы разделились. Одна, наименьшая из них, осталась сзади. А четвертая, та нечеткая, исчезла. Это был фальшивый сигнал, обманчивое эхо. Идр пренебрег им.

Малая добыча еще больше отдалилась от остальных. Грунт задрожал сильнее. И ближе. Идр напряг задние ноги, оттолкнулся и прыгнул.

* * *

Девочка испуганно крикнула. Вместо того, чтобы бежать, застыла на месте. И кричала без перерыва.

* * *

Ведьмак бросился в ее сторону, в прыжке обнажая меч. И сразу же понял, что здесь что-то не так. Что его обманули.

Тянувший тележку с валежником мужчина завопил и на глазах Геральта подлетел на сажень вверх; кровь хлынула из него, разбрызгиваясь вокруг широким веером. Упал, чтобы тут же взлететь вновь, на сей раз в виде двух истекающих кровью кусков. Он уже не кричал. Сейчас пронзительно кричала женщина, так же, как и ее дочка, замершая и парализованная страхом.

Хоть ведьмак и сам не верил, что успеет, но он сумел ее спасти. Подскочил к ней и с силой толкнул, отбрасывая забрызганную кровью женщину с дорожки в лес, в папоротники. И тут же понял, что и на сей раз это был обман. Хитрость. Потому что серый, плоский, многоогий и невероятно быстрый силуэт уже удалялся от тележки и первой жертвы. Мчался в сторону второй. В сторону все еще визжащей девчушки. Геральт бросился за ним.

Если бы она продолжала стоять на месте, он бы не успел. Однако девочка проявила здравый смысл и со всех ног бросилась наутек. Конечно, серая тварь быстро и без усилий догнала бы ее — догнала бы, убила и вернулась, чтобы убить и женщину тоже. И так бы непременно случилось, не будь там ведьмака.

Он догнал чудовище, прыгнул, наступая каблуком на одну из задних ножек. Если бы не мгновенный отскок, сам остался бы без ноги — серое существо извернулось с нереальной ловкостью, а его серповидные клешни щелкнули, промахнувшись на волосок. Не успел ведьмак восстановить равновесие, как монстр оттолкнулся от земли и атаковал. Геральт закрылся рефлекторным, широким и довольно неприцельным движением меча, оттолкнул чудовище. Ранений тому нанести не удалось, но удалось перехватить инициативу.

Он сорвался с места, подскочил и рубанул с размаху, разрубив панцирь на плоской головогруди. Затем, пока ошеломленный противник еще не пришел в себя, вторым ударом отсек ему левую жвалу. Монстр бросился на него, махая лапами и пытаясь, словно тур рогом, боднуть его уцелевшей жвалой. Ведьмак отрубил ее тоже. Затем быстрым обратным движением отсек одну из педипальп и снова рубанул в головогрудь.

* * *

До Идра дошло, наконец, что он находится в опасности. Что должен бежать. Бежать, бежать далеко, где-то спрятаться, залечь в укрытие. Он жил лишь для того, чтобы убивать. А чтобы убивать, должен был восстановиться, регенерировать. Надо бежать... Бежать...

* * *

Ведьмак не дал ему сбежать. Догнал, наступил на задний сегмент туловища, ударил сверху, размахнувшись. На этот раз удалось пробить панцирь на головогруди, из трещины брызнула и потекла густая зеленоватая гемолимфа. Монстр бился, его ножки бешено молотили по земле.

Геральт рубанул опять, отсекая плоскую голову от остальной части тела.

Он тяжело дышал.

Вдали загрохотало. Поднявшийся вихрь и быстро темнеющее небо обещали скорую грозу.

* * *

Альберт Смулька, новоназначенный жупан волости, уже при первой встрече показался Геральту похожим на брюкву. Он был столь же округлым, грязноватым, толстокожим и вообще каким-то неинтересным. Иными словами, мало отличался от иных чиновников своего уровня, с которыми Геральту приходилось контактировать.

— Выходит, что правда, — сказал жупан. — Выходит, верно говорят, пришла беда — зови ведьмака.

— Йонас, предшественник мой, — продолжил он через минуту, не дождавшись никакой реакции со стороны Геральта, — нахвалился на тебя не мог. Подумать только, а ведь я его лжецом полагал. Ну, тоись, не полностью ему верил. Знаю, как правда байками обрастает. Особо у темного народу, у таких, что куда ни кинь, то иль диво, иль чудо, иль какой еще ведьмак со способностями нечеловеческими. А тут ты глянь, оказывается, что правда чистая. Там, в бору, за речушкой, народу сгинуло без счета. А что через бор в местечко дорога короче, так там и ходили, дураки... На собственную погибель. Несмотря на предостережения. Нынче время такое, что по пустошам лучше не шляться да по лесам не лазать. Везде монстыры, везде людоеды. В Темерии, на Тукайском Пригорье, только что страшная вещь приключилась, пятнадцать человек убил в поселке древожогов какой-то призрак лесной. Роговизна тот поселок назывался. Да ты слыхал наверняка. Нет? Правду говорю, чтоб я сдох. Даже чернокнижники будто бы в той Роговизне дознали вести. Ну, чего там говорить. Мы тут в Ансегисе теперь в безопасности. Благодаря тебе.

Жупан вынул из комода шкатулку. Разложил на столе лист бумаги, погрузил перо в чернильницу.

— Ты обещал, что чудище убьешь, — сказал жупан, не поднимая головы. — Выходит, языком зря не молол. Для бродяги ты прям честный... Да и тем людям ты жизнь спас. Бабе и девчушке. Поблагодарили хоть? Упали тебе в ноги?

Ведьмак стиснул зубы. Нет, не упали. Потому что еще не пришли в себя полностью. А я отсюда уеду, не дожидаясь, пока опомнятся. Не дожидаясь, пока они поймут, что я использовал их как приманку, заносчиво полагая, что сумею защитить всех троих. Уеду, пока до

девочки не дошло, что это по моей вине она осталась без отца.

Он чувствовал себя погано. Наверняка это было следствием принятых перед схваткой эликсиров. Наверняка.

— Чудище это, монстр, — жупан присыпал бумагу песком, а потом стряхнул песок на пол, — настоящая мерзость. Я присмотрелся к туще, когда ее принесли... Что это такое было?

Геральт не имел точного ответа на сей вопрос, но не собирался в этом признаваться.

— Арахноморф.

Альберт Смулька пошевелил губами, безуспешно пытаясь повторить.

— Тыфу, как назывался, так назывался, прах его побери. Так ты этим вот мечом его зарубил? Вот этим клинком? Можно посмотреть?

— Нельзя.

— Ха, клинок зачарованный небось. И дорогой... Лакомый кусок... Ну ладно, мы тут ля-ля, а время бежит. Договор выполнен, пора рассчитаться. Но сперва формальности. Распишись на фактуре. Ну то есть поставь крестик или какой другой знак.

Ведьмак принял поданный ему счет, повернулся к свету.

— Гляньте-кося на него, — кривясь, покрутил головой жупан. — Будто бы читать умеет?

Геральт положил бумагу на стол, толкнул обратно к чиновнику.

— Небольшая ошибка, — сказал он спокойно и тихо, — вкрадась в документ. Мы договаривались на пятьдесят крон. Фактура выставлена на восемьдесят.

Альберт Смулька сложил ладони, оперся на них подбородком.

— Это не ошибка, — он тоже понизил голос. — Это скорее знак благодарности. Ты убил страшное страши-

лице, работа уж точно нелегкая была... И сумма, значит, никого не удивит...

— Не понимаю.

— Да прямо. Не изображай мне тут невинность. Хочешь сказать, что Йонас, когда тут управлял, не выставлял тебе таких фактур? Да я голову дам на отсечение, что...

— Что? — прервал его Геральт. — Что он завышал счета? А разницей, на которую он королевскую казну обманывал, делился со мной поровну?

— Поровну? — жупан криво улыбнулся. — Не надо, ведьмак, вот не надо. Можно подумать, что ты такой важный. Одну треть получишь от разницы. Десять крон. Для тебя это и так большая премия. А мне полагается больше, хотя бы просто за мою должность. Государственные служащие должны быть состоятельными. Чем богаче государственный чиновник, тем выше престиж государства. Да что ты об этом можешь знать. Надоел мне уже этот разговор. Подпишешь фактуру или нет?

Дождь барабанил по крыше, на улице лило как из ведра. Но больше уже не гремело, гроза удалялась.

Интерлюдия

Два дня спустя

— **Д**обро пожаловать, уважаемая, — властно кивнул Белогун, король Керака. — Добро пожаловать. Слуги! Кресло!

Потолок комнаты украшала роспись, фреска, изображающая парусник в окружении волн, тритонов, гиппокампов и созданий, напоминающих омаров. А фреска на одной из стен представляла собой карту мира. Коралл давно уже заметила, что карта эта была довольно фантазийной и имела не слишком много общего с реальным расположением земель и морей. Но зато была красивой и сделанной со вкусом.

Двою пажей притащили и установили тяжелое резное кресло на элегантно изогнутых ножках. Чародейка уселилась, уложив руки на поручнях кресла так, чтобы ее браслеты с рубинами были хорошо заметны и не прошли мимо внимания визави. На тщательно уложенных волосах ее красовалась еще небольшая рубиновая диадема, а на глубоком декольте — рубиновое же колье. Все для аудиенции у короля. Она хотела произвести впечатление. И производила. Король Белогун лишь таращил глаза, не то на рубины, не то на декольте.

Белогун, сын Осмика, был, так сказать, королем в первом поколении. Его отец скопил довольно серьез-

ное состояние на морской торговле и, похоже, немного и на пиратстве. Разгромив конкурентов и монополизировав каботажные перевозки в регионе, Осмик возвел сам себя в королевское достоинство. Самозванная коронация его в принципе лишь формализовала сложившийся порядок, статус-кво, так что никто особенно не возражал и не протестовал. Еще до этого, в частном порядке повоевав с соседями — Вердэном и Цидарисом, Осмик решил с ними все вопросы границ и ответственности. Стало понятно, где Керак начинается, где заканчивается, и кто в нем хозяин. Ну а если хозяин, правитель, то, значит, король. И титул этот ему положен. Совершенно естественным порядком вещей титул и власть переходят от отца к сыну, так что никого не удивило, что после смерти Осмика на престоле воссел его сын, Белогун. Ну, правда, сыновей у Осмика было побольше, еще около четырех, но все отказались от прав на корону, причем один будто бы даже добровольно. Таким образом Белогун и правил в Кераке уже больше двадцати лет, по семейной традиции получая доход от судостроения, перевозок, рыболовства и пиратства.

И вот теперь на троне, на помосте, в соболином колпаке, со скипетром в руке, король Белогун давал аудиенцию. Величественный, что твой жук-навозник на коровьем деръме.

— Уважаемая и милая нашему сердцу госпожа Литта Нейд, — поздоровался он с ней. — Возлюбленная нами чародейка Литта Нейд. Изволила вновь посетить Керак. И наверняка опять надолго?

— Мне полезен морской воздух. — Коралл провокационно закинула ногу на ногу, демонстрируя башмачок на модном каблуке. — Буде ваше королевское величество соизволит милостиво разрешить.

Король обвел взглядом сидящих рядом сыновей. Оба рослые, как жерди, они ничем не напоминали отца, ко-